

УДК 94(510)

ББК 63.3(5Кит)6

Русские и восстание в Синьцзяне в первой трети 1930-х гг.

К.Н. Абдуллаев

Российско-Таджикский (Славянский) университет (Душанбе, Таджикистан).

Russians and the Rebellion in Xinjiang during the First Third of the 1930s

K.N. Abdullaev

Tajik-Russian (Slavonic) University (Dushanbe, Tajikistan)

В статье исследуются неизвестные доселе страницы истории гражданской войны в Синьцзянской провинции Китайской республики периода с конца 1920-х до середины 1930-х гг., а именно восстание местных мусульман — дунган и уйгуров — против китайского правления. Указанный эпизод рассматривается с точки зрения его связи с историей Гражданской войны в России и Средней Азии, а также истории отношений между Китаем и СССР в указанный период. Основное внимание в статье уделяется участию в этих событиях остатков белогвардейских отрядов, бежавших в Западный Китай по окончании Гражданской войны в России в 1920 г. Движимые стремлением выжить на чужбине, остатки белогвардейских отрядов откликнулись на просьбу властей и выступили против повстанцев. Они сыграли большую роль в умиротворении провинции и восстановлении китайского контроля в этой части Китая. Однако военная сила и непредсказуемость белоэмигрантов, которые они продемонстрировали во время этих событий, насторожили китайское правительство и советскую власть. В конечном счете китайцы с помощью советских представителей в Синьцзяне сумели нейтрализовать беглых белогвардейцев в этой части Китая.

Ключевые слова: история Синьцзяня, русская эмиграция, уйгуры, дунгане, советско-китайские отношения.

DOI 10.14258/izvasu(2015)4.2-01

В середине XIX в. историческая Средняя Азия, в состав которой входила и современная часть Западного Китая, очутилась в сфере интересов трех империй — Великобритании, России и Китая. Англия была сосредоточена на сохранении Индии и рассматривала этот регион больше как заморский буфер безопасности для «жемчужины своей короны», а не объект первостепенного интереса. В то время как для России и Китая Средняя

The article considers the previously unknown pages of the history of the civil war in the Xinjiang province of the Republic of China from the late 1920s to the mid-1930s, in particular the rebellion of the local Muslims against the Chinese rule. This episode is studied from the viewpoint of its connection to the history of the civil war in Central Asia and the relations between China and Russia in the indicated period. The focus of the paper is placed on the participation in this war of the remnants of the defeated White Russian forces that took refuge in Western China after the end of the civil war in USSR in 1920. Driven by a desire to survive in exile, the remnants of the White Russian forces accepted the offer of the Chinese authorities and attacked the rebels. They played an important role in pacification of the province and restoration of the Chinese rule in this remote province. However, military potency and unpredictability of the White Cossacks shown during these events worried the Chinese and Soviet authorities. Eventually, the Chinese authorities and Soviet representatives in Xinjiang succeeded in neutralizing the exiled White Russians in this part of China.

Keywords: history of Xinjiang, Russian emigration, Uighur, Dungan, Soviet-Chinese relations.

Азия была зоной, непосредственно примыкавшей к их «срединным» территориям. По этой причине они были основными игроками в этом регионе. Соперничество развивалось в целом мирно, и в 1881 г. в Санкт-Петербурге был подписан русско-китайский договор, завершивший длившийся четыре с половиной столетия спор. Восточная часть исторической Средней Азии, населенная мусульманскими, преимущественно тюркскими народами, превратилась

лась в северо-западную оконечность Китая и получила название Синьцзянь.

В 1911 г. в результате революции пала Цинская династия и была провозглашена Китайская республика. Провинция оказалась в изоляции от центра, и казалось, над китайским правлением нависла угроза. Но в 1912 г. гражданским и военным губернатором Синьцзяня становится Ян Цзен-синь (Yang Tsen-hsin), родом из провинции Юнань. Его политика по отношению к мусульманам-тюрькам, которые в начале XX в. составляли 95% населения провинции, была основана на благоволении и подавлении. Ян делал все, чтобы мусульмане имели возможность исповедать свою религию. К прямому подавлению он прибегал лишь в случае непосредственной угрозы своему правлению.

Яну приходилось также решать проблему русских и подданных России, нашедших убежище в провинции. Дело в том, что после поражения Колчака в южной Сибири в конце 1919 г. остатки его армий, а также казаки Семиречья и Оренбурга отступили к казахско-киргизскому Семиречью и бежали оттуда в китайские пределы. Весной 1920 г. около 13 тысяч военных и более 50 тысяч гражданских лиц из России оказались в Западном Китае [1, л. 196]. Помимо белогвардейских отрядов, которыми командовали атаманы А.И. Дутов, Б.В. Анненков и А.С. Бакич, в северный Синьцзянь перешли и гражданские — 20 тысяч русских из Оренбургской, Уфимской губерний и Семиречья, а также 30 тысяч казахов и киргизов. Таким образом, в 1920 г. всего в китайскую Среднюю Азию бежало около 63 тысяч подданных России. Примерно такую же цифру назвал английский консул в Кашгаре Перси Эссертон — 70 000 [2, с. 189].

Всесильная власть губернатора Ян Цзен-синя закончилась в июле 1928 г. В результате заговора, организованного комиссаром по национальным делам провинции Фан Яо-нанем, он был убит. Тогда же в Синьцзяне, как и в других провинциях, признавших власть нанкинского (национального) правительства, было образовано местное национальное правительство во главе с Чин Шуженем (Цзинь Шужень, Chen Shu-jen) [3, с. 12]. Чин происходил из китайцев хань соседней провинции Ганьсу. С китайской точки зрения, его правление, длившееся пять лет, нельзя признать удачным из-за коррумпированности чиновников, непомерных налогов, взимавшихся с населения, и самое главное — допущенного им обострения отношений между мусульманами и китайцами-ханьцами [4, с. 4].

Чин отказался от политики строгого, но разумного удерживания, проводившейся его предшественником, в пользу прямого нажима. Когда в марте 1930 г. скончался местный правитель города Кумула (по-китайски — Хами), уйгур по имени Максуд шах (последний независимый хан Средней Азии!), китайцы

вдобавок к увеличению поборов попытались навязать мусульманам прямую китайскую администрацию, ликвидировав прежнюю, основанную на патронаже местных, лояльных им правителей [5, с. 44]. К тому же Чин Шужень переселил в Синьцзянь тысячи своих земляков — голодающих ханьцев из Ганьсу. Китайцы поощряли расовые предрассудки, допускали пренебрежительное и даже враждебное отношение к исламу и мусульманам.

Эти и другие причины вызвали народное восстание, начавшееся в Хами в конце 1930 г. [6, с. 27]. Восстание было поднято уйгурами (оседлыми тюрьками-мусульманами), на помощь к которым в начале 1931 г. прибыл из Ганьсу молодой мятежный генерал, дунганин (то есть этнический китаец мусульманского вероисповедания), Ма Джуниин (Ма Дзуин, Ma Chung-yin). В апреле 1931 г. Ма Джуниин организовал осаду Кумула. Тогда же объединенные силы уйгур и дунган двинулись на юг — в Хотан и Яркенд. Китайцы не могли остановить мусульман, уничтожавших «неверных» — как мирных, так и вооруженных, — в огромном количестве. Тем временем русские эмигранты организовали отряды самообороны в северном, Илийском, районе. В начале 1931 г., когда движение еще не приняло больших размеров, русские в Или организовали отряд из трех сотен [7, л. 37]. У Турфана (город на полпути от Урумчи до Хами) Ма получил отпор благодаря, главным образом, умелым действиям русских пулеметчиков. В Урумчи также был набран конный русский отряд в количестве 180 человек и была принята на службу бывшая батарея атамана Анненкова. Командовал отрядом сотник Франк, а батареей — полковник Кузнецов. Русские вступили в военные действия, в результате которых восставшие отступили: дунгане обратно к себе в Ганьсу, уйгуры — в горы. Опасаясь нового наступления, китайцы решили мобилизовать всех русских эмигрантов из остатков отрядов Дутова и Анненкова. Мобилизация, как оправдывались позже сами русские, была принудительной. Было, по их словам, объявлено, что те, кто не пожелает пойти на китайскую службу, в 24 часа будут высланы в СССР [7, л. 137]. Другой автор указывал, что Чин приказал арестовать русских женщин, чтобы заставить их мужей воевать на стороне китайцев [5, с. 100]. В результате был набран отряд из двух пехотных и одного кавалерийского полка, равный китайской дивизии — 1,5 тысячи человек. Возглавил его бывший ближайший сподвижник генерала А. Дутова (погибшего от рук советского агента в 1921 г.), полковник генерального штаба Павел Петрович Паппенгут [5, с. 100]. По сведениям самих китайцев и находившихся в провинции европейцев, русская эмиграционная армия (по-китайски: «куея чун») явилась наиболее боеспособной частью китайских войск.

А как отнесся СССР к восстанию дунган и уйгур? Советское государство никогда не игнорировало свои собственные национальные интересы, даже если они противоречили большевистской доктрине. Москва не могла в открытую помогать народному восстанию в отдаленном районе Китая, потому что эта поддержка могла угрожать советско-китайским отношениям и получить неблагоприятный отклик среди третьих стран. Кроме того, СССР знал, что в окружении Ма Джунина находились японские милитаристы и турецкие националистические агенты, и это могло повредить советским интересам в регионе [6, с. 27]. Перспектива образования под своим боком тюркского националистического антисоветского государства его совершенно не устраивала.

Однако более правильным было бы рассматривать события того времени в Синьцзяне с позиций китайской революции 1924–1927 гг. и политики Сталина на Востоке. После не совсем удачных революционных опытов в Европе, на Среднем Востоке и в Средней Азии СССР и Коминтерн с середины 1920-х гг. в своей восточной стратегии основное внимание стали уделять именно Китаю. Главной составляющей их политики была опора на националистическую партию Гоминьдан во главе с видным революционером Сунь Ят-сенем. Сталин избегал действий, которые могли быть расценены Сунь Ят-сенем, а после его смерти в 1925 г. Чан Кайши, как угроза единству Китая. В то же время СССР не мог прямо помогать китайцам, которые подавляли мусульман в Китае. Судя по всему, после некоторых раздумий в Кремле была подготовлена двухходовая комбинация. Первым ее шагом было взятие ситуации под контроль путем поддержки обеих сторон и перевода конфликта в состояние продолжительной войны. При этом закрывались пути каждой из противоборствующих сторон к единоличному доминированию. На втором этапе предполагалось вмешательство СССР и поддержка китайцев в их борьбе против мусульман, для того чтобы диктовать условия ослабленному союзнику и усилить таким образом советское влияние в регионе. Был также разработан специальный подход к побежденным мусульманам. Предполагалось взять их руководителей под покровительство Москвы и предоставить им убежище, в частности под предлогом приглашения на учебу в Коммунистический университет трудящихся Востока (действовал с 1921 до середины 1930-х гг.), с тем чтобы использовать их в дальнейшем в качестве потенциальной угрозы китайцам. Как мы убедимся ниже, СССР успешно реализовал эту схему. Важным шагом для ее воплощения явился договор с СССР, заключенный Чингом в октябре 1931 г. Он предоставил советской стороне неограниченные торговые преференции в ответ на оказание военной помощи провинциальному правительству. Строго говоря, этот договор был незаконным, потому что был заключен между

правительством страны (СССР) и китайской провинцией, без санкции центрального правительства Китая. Согласно этому договору СССР открыл восемь торговых представительств по всей провинции. Как потом выяснилось, в их состав были включены профессиональные военные и разведчики-эксперты в области проведения «революционных войн».

Интересен и другой вопрос: почему русские эмигранты встали на сторону китайского меньшинства в этой ожесточенной борьбе? Вероятно, туда их привел элементарный инстинкт самосохранения. Мусульмане рассматривали и китайцев, и русских как враждебных чужаков, «неверных». Кроме того, к началу восстания часть русских уже имели китайское подданство и находились на службе у китайцев. Вероятно, по указанным причинам русские поддерживали китайцев в их противостоянии с мусульманами.

Осенью 1932 г. возобновились военные действия на севере провинции. В ноябре китайские части, усиленные тремя сотнями мобилизованных русских казаков, из Илийской долины направились на подавление восстания хамийцев Хаджи Нияза (заместителя Максуд шаха) и Йулбарсхана. В это время с севера, со стороны Пичана (близ Баркуля), появились дунгане. Произошел ожесточенный бой, в результате которого, по словам русских эмигрантов, уйгуры и дунгане потерпели поражение, а сам город Пичан «был стерт с лица земли» [7, л. 137]. Затем русские и китайцы пошли на Турфан и дали там еще один бой, длившийся 4 дня. По словам белоказаков, он закончился поражением мусульман.

В первой половине января 1933 г. в истории Синьцзяня произошло важное событие, в котором решающую роль сыграли русские. Тогда, во время страшных холодов, восставшие мусульмане предприняли штурм Урумчи, поголовно уничтожая все китайское население. Командовал дунганским войском верный Ма Джунину дунганский командир Ма Шинмин. Как вспоминал русский эмигрант Серебренников, за время этого похода отряд мусульман уничтожил до 20 тысяч китайцев [7, л. 137]. Когда дунгане достигли ворот Урумчи в феврале 1933 г., по утверждению шведского исследователя Свена Хедина, свидетеля тех событий, китайцы оказались в полной растерянности. Китайский чиновник Ай Чен-Ву, посланный в это время нанкинским правительством инспектировать Синьцзянь, писал:

«Артиллерийские залпы сотрясали окна. Мусульмане подошли к самым воротам (города). Единственной надеждой оставалась стойкая, пропитанная водкой когорта из 300 белогвардейцев, под командованием бывшего царского офицера Паппенгута» [8, с. 104].

Сам Паппенгут, описывая это событие, был краток: «Чтобы спасти себя и китайское население от поголовного истребления мы решились. Был выбран под-

ходящий момент ... после короткого боя город остался за нами» [7, л. 38].

Хедин дает более подробные обстоятельства спасения Урумчи. По его словам, 21 февраля 1933 г. русские в количестве 300 бойцов, заняв позиции в западной части города, вступили в бой. Правительственные войска поддержали их, пустив в ход артиллерию, стрелявшую прямо по домам жителей. В ходе тех боев китайцы подожгли целую улицу, носившую название «Улица Малой Религии» и населенную мусульманами. Два дня, по словам Хедина и Ай-Чен Ву, продолжалась настоящая бойня, сопровождавшаяся пожарами. Западные миссии, расположенные в Урумчи, оказывали помощь раненым. Их поразила жестокость, проявленная обеими сторонами. «Людей не просто убивали, а терзали до смерти», вспоминал Хедин. По его словам, китайцами было казнено бесчисленное количество людей, заподозренных в симпатии к повстанцам. Шесть тысяч мирных жителей остались лежать мертвыми среди руин [4, с. 7]. Несмотря на проявленное упорство и понесенные огромные потери, повстанцы на следующий день отступили в горы. Город был спасен. Ситуация окончательно стабилизировалась по прибытии войск губернатора Чина. Затем отряд из 200 белоказаков нанес сокрушительное поражение отряду из 600 мусульман, спешивших на выручку повстанцам [9, с. 83]. Отступившее мусульманское войско на своем пути уничтожало всех, кто не желал присоединиться к восставшим. В этих боях русские, благодаря высокой воинской дисциплине и выучке, понесли сравнительно небольшие потери.

В 1933 г. в Синьцзяне царил настоящий хаос. На юге, сразу после того как он в мае пал в руки восставших, начались распри между тюрками и дунганями. В результате дунганский генерал Ма Шинцзинь был изолирован в Кашгаре, занятом тюрками — киргизами Османали и уйгурами Тимура. На Алтае в районе Шарасуме началось восстание казахов киреитов под руководством Шариф Хана. Как писал Серебренников, «в феврале 1933 г. по всему Синьцзяню — от Хами до Кашгара всколыхнулся весь мусульманский мир» [8, л. 138]. Об этом же вспоминал Паппенгут 3 августа 1933 г. в письме некоему Н.А. Щелокову в Тяньзинь:

«В начале, когда движение было незначительным, только в Хаминском районе у нас работали 3 сотни... Но движение приняло более широкие размеры. В начале этого года восстание захватило весь юг, Алтай и бои шли уже под Урумчи» [7, л. 38].

Восстания, особенно казахское в Шарасуме, склонили Советский Союз к решению осуществить вмешательство. В конце марта 1933 г. в провинцию из территории СССР вошли китайские войска. Это были верные Гоминьдану части Северо-Восточной Добровольческой Армии генерала Су Пин-вена, бежавшие из Барги от натиска японцев, занявших северную

Маньчжурию в 1931 г. [10, с. 78]. СССР переправил маньчжуров по железной дороге в Советский Горный Алтай и далее в Казахстан. Оттуда они через Чугучак были направлены в Урумчи. Маньчжуры появились как раз кстати, поскольку из Ганьсу на помощь уйгурам двинулись дунгане Ма Джунина [8, л. 138]. Сразу после перехода советской границы маньчжуры стали «умиротворять» казахов. Однако вновь прибывшие не могли предоставить осажденным урумчинцам реальную помощь, так как они были предварительно разоружены на советской территории. Об этом писал Паппенгут. Тем не менее появление маньчжурской армии придало силы китайцам в их противостоянии с мусульманами. В апреле 1933 г. повстанцы снова приблизились к Урумчи и осадили его, надеясь взять город измором. Скачком цен на продовольствие не преминул воспользоваться губернатор Чин, взявший всю торговлю хлебом в свои руки. На этот раз русские решили не противопоставлять себя мусульманам, а путем заговора сместить непопулярного Чин Шуженя, бездеятельность которого, по мнению многих, вызвала пламя народного восстания. Кроме того, русские были возмущены неблагодарным к ним отношением со стороны Чина. Он создавал для русских всевозможные трудности, давал плохое оружие и негодных лошадей [11, с. 223]. Русские считали, что китайцы платят им черной неблагодарностью за спасение Урумчи в феврале 1933 г. Впрочем, Хедин считает, что инициатива свержения Чина принадлежала его китайским противникам, в частности маньчжурам Су Пин-вена, призвавшим русских осуществить заговор. Он также указывает, что сами повстанцы согласились сложить оружие в случае отставки Чина. И наконец, Форбс считает, что Паппенгут обратился к командованию Северо-Восточной Добровольческой Армии с жалобой на Чина и заручился его поддержкой, прежде чем приступить к заговору [5, с. 106]. Как бы то ни было, заговор против Чина был осуществлен, и его главными участниками были русские. 12 апреля 1933 г. после небольшой перестрелки русские заняли резиденцию председателя. Другая группа белогвардейцев заняла позиции за пределами городских ворот. Чин, который догадывался о заговоре и подготовил пути отхода, перепрыгнул через забор своей резиденции и был таков. Его брат Чин Шицин (руководитель военного бюро провинциального правительства) был арестован и позже казнен. Китайский чиновник Ай-Чен Ву был свидетелем и участником того события. Он сформулировал отношение китайцев к перевороту и участию в нем русских следующим образом:

«Все сошлись на том, что хотя действия русских были жестокими и чрезвычайно опасными для города, они были продиктованы искренней озабоченностью общественным благом, а также собственным благополучием. Поскольку все закончилось без особых

осложнений и больших жертв, общественное мнение склонилось в их (русских) пользу. (Люди) больше говорили об их смелости, нежели об их жестокости» [9, с. 114].

Таким образом, русские во второй раз спасли Урумчи. Благодаря их отваге и решительности ненавистный губернатор со своими сторонниками бежал, а его правительство пало. Был создан военный Совет провинции, в который наряду с представителями других народов были включены русские эмигранты.

События апреля трудные для русских 1933 г. совпали с православной Пасхой. В тот день русские эмигранты приветствовали друг друга возгласами: «Христос воскрес, Синьцзянь воскрес!» Этот день принес настоящее облегчение для всей русской общины. Трудно себе представить судьбу русских Западного Китая в случае провала заговора 12 апреля.

В этом эпизоде русские и мусульмане выступили союзниками. Тому были вполне понятные причины, так как большинство русских стали гражданами Китая и требования мусульман о предоставлении им культурой автономии и недопустимости притеснения по религиозному признаку выглядели в глазах русских вполне законными.

Позже Чин пытался взять реванш, обещая вырезать всех русских, но, преследуемый тюрками, был вынужден перейти на нелегальное положение. В конце концов Чин перешел в советский Казахстан, и далее по Транссибирской железной дороге добрался до Дальнего Востока. Оттуда он прибыл в Нанкин, где был предан суду в 1933 г. Чин был осужден на 7 лет за заключение незаконного договора с СССР и получение отсюда оружия для подавления восстания.

В середине апреля 1933 г. место военного губернатора Синьцзяня занял генерал Шен Шикай (Шэн Шицай). При нем русские стали официально при-

знанными жителями провинции, обладавшими всеми правами китайских граждан. Фактическим военно-политическим лидером русских эмигрантов являлся полковник Паппенгут — «блестящий, но непредсказуемый офицер», организатор переворота 12 апреля 1933 г. [9, с. 166]. Он не был склонен доверять мусульманам, и настаивал на самых жестких мерах подавления восстания. Паппенгут был категорически против переговоров с Ма Джунингом, который в мае 1933 г. вернулся из Ганьсу в качестве командующего 36-й дивизией Национальной армии Китая (Гоминьдан) и вступил в переговоры с Шеном [5, с. 249]. Растущее влияние Паппенгута и его неуправляемость не устраивали ни советских представителей, ни китайцев. Он был расстрелян Шеном по настоянию советского консула в Кашгаре Апресова 10 декабря 1933 г. Вместо него командиром отряда русских эмигрантов был назначен политически нейтральный генерал Н.И. Бектеев, который позже вошел в правительство провинции как представитель русской общины. Генерал Антонов стал советником военного губернатора Шена.

Приход к власти Шен Шикай после «Апрельской революции» (выражение самого Шена) означал новую фазу развития белой эмиграции в Синьцзяне. Устранение Паппенгута означало ликвидацию русской эмиграции как самостоятельной антисоветской единицы в противоборстве различных направлений и группировок провинции. Отныне русские белогвардейцы превратились в послушный и страшный военный инструмент в руках китайцев и стоявших за ними советских представителей. Стараясь выжить на чужбине, они будут продолжать с оружием в руках продвигать их интересы, пока к власти в Китае в 1949 г. не придут коммунисты и не положат конец вмешательству России в дела этой провинции Китая.

Библиографический список

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). — Ф. 122. — Оп. 1. — Д. 16.
2. Etherton. In *The Heart of Asia*. — London, 1925.
3. Владимирова Б. Предисловие // Скрин А. *Китайский Туркестан*. — М., 1930.
4. Hedin, Sven. *The Flight of "Big House" The Trail of War in Central Asia*. — New York, 1936.
5. Forbes D. W. *Warlords and Muslims in Chinese Central Asia. A Political History of Republican Sinkiang 1911–1949*. — Cambridge, London, New York, 1986.
6. Бармин В.А. Советская и зарубежная печать о соперничестве Советского Союза и великих держав в Синьцзяне в 1930-х гг. // *Изв. Алт. гос. ун-та*. — 2013. — № 4/2(80). DOI:10.14258/izvasu(2013)4.2-03
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. 5873. — Оп. 1. — Д. 8.
8. ГАРФ. — Ф. 5873. — Оп. 1. — Д. 91.
9. Tyler, Christian. *Wild West China: The Taming of Xinjiang*. — New Brunswick, New Jersey, 2004.
10. Wu, Aithchen, *Turkistan Tumult*. — Hong Kong, 1984.
11. Hasiotis, Arthur C. *Soviet Political, Economic and Military Involvement in Sinkiang from 1928 to 1949*. — New York and London, 1987.